

ТЕЗКИ

1

Он жил один, почти за городом, в давнишнем доме у пруда, в старинном саду. В жару сад безмолвствовал, только лопались и трещали стручки акаций, а в дождь там словно что-то посапывало, и в тишине сильно пахло корнями. Это был небольшой сад, без всяких аллей, одни хитрые тропки ныряли под кроны и терялись в зарослях. Толька нечаянно запустил стрелу в этот сад, осторожно пошел искать, но не нашел и, ступая по тропке, вдруг встретил его. От испуга Толька не мог даже пошевелиться, стал глядеть на свою пуговицу, готовый заплакать. А он сел на камень и закурил сигарету.

— Садись, что ли.

Толька молча продолжал стоять, потом чуть осмелел и взглянул на него. Он был в резиновых сапогах, в пиджаке, но без галстука, то есть совсем не такой, каким видели его в городе, когда он ходил в книжный магазин или в библиотеку. Он зажал в ладони черную с рыжиной бороду и усмехнулся. Это Толька увидел исподлобья.

— Ну, а зовут-то тебя как?

— Петров, – буркнул Толька.

— Хм. А дома тебя как зовут? Толя, да?

Толька удивился и сказал «да».

— Вот видишь, я угадал. Теперь ты угадай, как меня зовут.

Петров чистосердечно сказал:

— Варнак.

Легкая, чуть грустная усмешка скользнула по его желтому лицу и затухла в бороде, но Петров этого не заметил. А он весело прищурился и опять поиграл бородой, говоря:

— Все, брат, наврали тебе. Меня Анатолием Семеновичем зовут, мы с тобой тезки. Наврали тебе, Петров, честное слово, наврали!

Петрову стало весело. В самом деле, и борода оказалась не страшная, и глаза, и нос как нос.

— Ты в каком? — снова спросил он Петрова.

— В шестой перевели.

— А Печорина знаешь как зовут?

— Это что в пожарной команде? — догадался Петров.

— Да нет, брат, это вы по литературе должны учить.

— Еще не проходили.

— Ты в четвертой школе? Кто у вас учительница?

— Нина Аркадьевна.

— Ну, а чего ж ты меня испугался?

— Я стрелу искал.

— Какая была стрела, ивовая?

— Ага.— Петров сел на траву.— Наконечника жалко.

— Ну, наконечник это еще полбеды. Я вот другое подумал...

Он стряхнул пепел с сигареты, сделал серьезный вид, поджал губы.

— А что, Ана... Анатолий Семенович?

— Да так, может, еще и ничего.

Петров озадаченно глядел на него. Тогда он пальцем поманил Петрова к себе поближе и шепотом сказал:

— Никому не скажешь?

— Нет! — Мальчик решительно замотал головой.

— Тогда слушай. Тут, понимаешь, много у нас всякого, в саду. Я-то уж знаю. Возьми хоть того же дрозда, вон там у пруда живет. Знаешь, как он поет здорово? Утром ты еще спишь, а он уже на ногах и поет, пока жарко не станет.

«Ну и что?» — подумал Петров и хотел встать, а он заметил скуку на лице мальчика и сказал:

— Если бы дрозд-то один, а то еще и жаба.

Петров глядел удивленно, не замечая того, что рот остался открытым.

— Жаба, конечно, как жаба, прыгает, в осоке ночует. Только ночует днем, а ночью не ночует. Охотится за всякими червяками и очень росу любит. Не нравится ей сухая трава, подавай мокрую...

Петров скептически глядел на него.

— Если б ей только это не нравилось. А то она еще и с дроздом не в ладах, понимаешь?..

Петров понимать понимал. Но в нем смешались две мысли. Одна мысль та, что все это наполовину выдумка, а другая та, что слушать было все равно интересно и уходить не хотелось.

— Как только дрозд запоет, прямо из себя она выходит, глаза пучит, лапами шевелит, не нравится ей, что дрозд поет и весь сад веселит. Ну и что ж, ты думаешь, дрозд на это? А-а-а, не знаешь. А дрозд ничего, поет до жары, хоть бы что ему.

Он снова закурил, в синих глазах скопились искорки, на желтом лице заиграл румянец. Петров слушал и удивлялся.

— Вот ты говоришь, стрела. Плохо будет дрозду, ежели жаба твою стрелу найдет. Если бы дрозд нашел, то ничего. Он бы положил ей на сучки до осени, а осенью стал бы твоей стрелой рябину сшибать. Не веришь? А жаба еще неизвестно, что твоей стрелой сделает. Может быть, пустит прямо в дрозда, когда он запоет завтра утром.

— Не-е! — засмеялся Петров. — Как она пустит, без лука? Что она, человек, что ли?

— А паук-то на что? Знаешь, какую крепкую паутину плетет? Сплетет, закрутит, как веревочку, от сучка до сучка, вот тебе и лук.

Петров опять засмеялся. Видно было, что мальчик не верил в рассказанное, но вдруг заблестели серые с белыми ресницами глаза, и рука нетерпеливо затеребила траву.

— Она еще и карпа не любит.

— Какого карпа? — спросил Петров.

— Зеркального. Он в пруду живет. В него по воскресеньям ласточки смотрятся, как и в зеркало. Не веришь? Усядутся на корягу, он подплывет

поближе, они и смотрятся, ощипываются. Иначе, думаешь, были бы у них такие грудки белые? А ему что, жалко, что ли. Смотрите сколько угодно. Жаба раз погляделась в него и с тех пор невзлюбила.

— Карпа? – Петров опять засмеялся, засмеялся и Анатолий Семенович, хлопнул мальчика по спине.

— Думаешь, не правда? Вот приходи завтра, малины пощиплешь и все своими глазами увидишь. Приходи, приходи, Петров.

Он встал, взъерошил Петрову волосы, хотел еще что-то сказать, но не сказал и легко пошел по тропинке. Петров тоже, только вприскок, побежал домой.

* * *

Дома, когда Петров рассказал, где был, бабка взяла его за ухо и повернула, как поворачивают электрический выключатель.

— Не ходи куда не след, не ходи куда не след, – приговаривала она. – Ишь, к Варнаку пошел, к чахоточному. Да и в тюрьме десять годов просидел этот Варнак... Хоть и зря, говорят, по навету...

От жгучей обиды Петров даже не заплакал, не мог сказать ни слова и убежал в сарайку. Не пришел к ужину, и, когда мать стала звать его, обида опять сдавила горло, и он зарылся головой в подушку. Мальчик вздрагивал плечами до тех пор, пока мать с банкой молока не пришла в сарайку и не погладила его по волосам. Но и тогда еще нет-нет да и драло в горле и слезы приливали к глазам.

— А чего она дерется? — сказал Петров, когда мать, утешая его, легла с ним спать в сарайке.

Вскоре он заснул. Ночью ему снился зеленый пруд, и деревья вокруг, и будто бы пучеглазая жаба плавала в этом пруду, держа во рту потерянную стрелу. Зеркального карпа не было, потом он появился, прилетел и дрозд, начал петь свою песню.

Петров проснулся от того, что пронзительно кричали в сарайке куры. Матери уже не было. Он старался вспомнить, как поет дрозд, но не мог вспомнить и долго лежал с улыбкой, глядел, как в дырку в крыше бьет прямая полоска от солнца.

Во дворе было уже солнечно, и жара томила кусты крыжовника. Где-то на центральных улицах городка гудели автомобили, грохала по мостовой телега. Петров припомнил вчерашнюю обиду и хотел кувырнуть бабкину кадку с - водой, но решил отложить это дело. Бабка развешивала за сарайкой белье. Петрову хотелось на улицу. Вымылся побыстрее, выпил молока в кухне и незаметно подался к воротам. Однако бабка его уследила:

— Гляди не вздумай ходить к Варнаку. Куда лыжи-то наострил?

На улице Петров прежде всего отделался от знакомых мальчишек, вильнул за угол, перебежал пустырь и шмыгнул через разломанный забор. Но это был еще не тот сад. Тот сад был намного дальше, за водоразборной колонкой. Петров крался вдоль сетчатого забора и старался не торопиться. Ага, вот отсюда вчера он запустил стрелу. Вот и тот крапивный пролом. Петров, как и вчера, пролез через этот ход в сад и присел в густых акациях. Было тихо, только шумели

вдалеке июльские улицы. Дрозд уже не пел, как ни старался Петров слушать. Может, уши не стали слышать? Петров дотронулся до больного уха, опять с горечью вспомнил бабуку и пошел через сад по той же вчерашней тропке. В саду было прохладно. Крапива росла в иных местах выше головы, не уступал ей и конский дягиль, цветущий белыми зонтиками. Вдруг заросли трав и деревьев расступились, и Петров очутился на берегу небольшого пруда.

Пруд будто дремал, в нем отражались небо с облаками и вершины берез и лип. А там, чуть дальше, стоял желтый, словно игрушечный, дом с облупившейся охрой на резьбе, антенной на высоком балконе. Узкая галерейка опоясывала второй этаж в три окна, а первый, полуподвальный, в четыре окна, весь был увит плющами. Железная труба с флюгером-петухом венчала резной князек, деревянные столбы у входа напоминали колонны, которые Петров видел на картинке в учебнике по истории.

Мальчик долго глядел на дом и на пруд, и на тихие от жары деревья. Ему теперь почти верилось, что в пруду живет зеркальный карп и жаба ночует днем в осоке, и что здесь есть в самом деле веселый дрозд, который каждое утро поет от жары. Мальчик зашел в тень и взглянул на то место пруда, где небо не отражалось и можно было смотреть вглубь. Вода была чистая, а дно не видно. И вдруг Петров испуганно отпрянул от берега, в глубине что-то остро, ясно блеснуло. Через минуту — опять. Мальчик вскочил и побежал к дому, еще издали увидел белую рубашку Анатолия Семеновича.

— Я сейчас карпа видел! — издали заорал Петров, а Анатолий Семенович разогнулся:

— Надо бы, брат, сначала поздороваться. Карпа, говоришь, видел?

— Ага!

— Ну, правильно. Ласточки как раз только-только с пруда улетели. Он еще не успел домой на дно уплыть.

— А...

— Ты про дрозда? Дрозд тоже уже отпел, надо было тебе пораньше прийти.

— А почему у огурцов усы? — спросил Петров, наблюдая, как Анатолий Семенович обрывает огуречные усы.

— Усы почему? Наверно, потому, что огурец мужского рода.

— Не-е! — захлеб, торжествуя сказал Петров. — У тыквы тоже усы, а она женского рода! Знаете, какая у нас тыква?

Анатолий Семенович тоже засмеялся.

— Верно! Как это я про тыкву забыл? Ты, пожалуй, прав. Тыква женского рода и тоже с усами.

— А дрозд где сейчас?

— Кто его знает, в саду где-то. У него дел много.

— А жаба?

— Жаба сейчас спит. Ты бы пошел поискал стрелу, пока жаба не проснулась.

Анатолий Семенович сел на скамеечку, как-то странно задышал и вдруг закашлял в большой белый платок, пряча в него все лицо и дергая плечами.

— Иди, иди, поищи...— слабо сказал он между приступами кашля, но мальчик не уходил, испуганный и оробевший, стоял рядом. Желтый высокий лоб Анатолия Семеновича покрылся капельками.

— Вишь, брат, какие дела... Никогда смотри не более. Он дышал часто и прерывисто, руки у него дрожали.

— Слышишь? — Анатолий Семенович поднял палец.

— Что? — Петров улыбнулся, у него сразу отлегло от сердца, когда глаза Анатолия Семеновича заиграли, как и раньше.

— Слышишь, как трава растет?

Мальчик прислушался, и сквозь дальний городской шум ему взаправду показалось, что он слышит, как растет и чуть шевелится горячая от солнца трава.

— А Таня говорит, что трава только по ночам растет.

— Какая Таня?

— Я с ней на одной парте сидел, а потом ее Нина Аркадьевна с Тонькой-ябедой посадила, а меня рассадила.

— За что рассадила?

— Нас жених и невеста дразнили.

— Хм...

— Таня говорит, что трава по ночам растет. А почему?

— Ты спроси у нее, у Тани. Она, наверное, знает почему. Слышишь? А может, вы вместе с Таней ко мне придете?

Петров сказал, что когда начнется школа, Таню он позовет, и они придут сюда вместе. Анатолий Семенович взял его под мышки и подкинул в воздухе.

Потом они долго ходили по саду, ели малину, искали стрелу, но так и не нашли, а через день со второй сменой Петрова отправили в пионерлагерь.

2

Пришла и осень. То и дело брызгали уже холодные дожди. По ночам в городе стало темнее, а днем пахло огурцами и бензиновым дымком, бабкина кадка стояла под застрехой все время полная. Вернувшись из лагеря, Петров начал ходить в школу. Он все собирался сбежать к Анатолию Семеновичу вместе с Таней, но она сидела от него далеко, а в перемены не выходила из класса, и Петров стеснялся с ней разговаривать.

Сегодня он еще ночью, во сне, когда снился веселый дрозд, решил обязательно вместе с Таней сходить к Анатолию Семеновичу. Утром принесли газету, бабка завернула пирог с творогом прямо в эту свежую газету. Петров это сразу заметил и сказал бабке, что ей опять влетит от отца за то, что истратила свежую газету. Бабка, испугалась, но газета все равно была испорчена жирным пирогом, и Петров побежал в школу.

Петров немного запоздал на урок, и ему пришлось просить разрешения войти: Тонька-ябеда была дежурная, она встала и нарочно тоненьким голоском начала докладывать:

— Нина Аркадьевна, в классе восемнадцать человек, все пришли с носовыми платками, двое не выполнили домашних заданий. Петров опоздал на две минуты...

Петров украдкой наблюдал за Таней и Тоньку не слушал. Он опять вспомнил, что еще летом обещал Анатолию Семеновичу вместе с Таней прийти в сад слушать дрозда. А почему трава только по ночам растет? Наверно, оттого, что ночью не мешает никто. А стрелу, может, и правда жаба спрятала? Скорей бы уроки, что ли, кончились.

И вдруг ни с того ни с сего Нина Аркадьевна велела всем мальчикам выйти из-за парт и выложить из карманов все, что там есть. Петров выложил носовой платок, рогатку и маленький кусочек мела. Нина Аркадьевна медленно шла между партами, смотрела, что выложено. Дошла очередь и до Петрова.

— Петрофф! Выйди к доске.

Все сели, только Петров стоял у доски.

— Поднимите руки, у кого еще в кармане есть мел! — сказала Нина Аркадьевна.— А ты, Петров, скажи, почему написал в мальчиковой уборной нехорошие слова?

Петрова даже в жар бросило. Никогда никаких слов и нигде он не писал, даже в уборной сегодня не был ни разу. Он чуть не заплакал, покраснел и хотел выбежать из класса.

— Хорошо,— сказала Нина Аркадьевна. — После уроков зайдешь в учительскую. А сейчас начнем урок.

Она вернула ему платок, рогатку положила в портфель и за локоть отвела на место.

— Нина Аркадьевна, — Тонька подняла руку, — а мел и у Иванова, и у Смирнова, я сама видела, как они его в парту прятали.

Петров хоть и не любил Тоньку, но тут обрадовался ее голосу, обида и накипевшие были слезы рассосались где-то в носу. Нина Аркадьевна заставила самостоятельно прочитать былинку «Вольга и Микула», Петров читал, но читать было неинтересно.

На последнем уроке Петрова вызвали в учительскую допрашивать, но оказалось, что кто-то уже видел, как Смирнов писал в уборной эти проклятые слова. Петрова отпустили, только отругали за рогатку. Он выскочил из учительской и шмыгнул в раздевалку, потому что все равно уже был звонок. В раздевалке он увидел Таню и не нарочно стукнул Тоньку-ябеду портфелем в бок.

— Тили-тили тесто, жених и невеста! — прошипела Тонька и показала язык. Петров хотел стукнуть уже нарочно, но надо было догнать Таню, чтобы вместе сходить к Анатолию Семеновичу. Однако Таня уже ушла. Петров решил, что с Таней сходят к Анатолию Семеновичу вместе в другой раз, а сегодня лучше сбежать одному.

Он подошел к дому с улицы, а не через сад, узнал это место по флюгеру-петуху, что виднелся из-за высоких лип. Первые опавшие листья уже шелестели под башмаками у калитки и у сетчатого забора. Калитка была заперта. Петров постучал, но никто не открывал. Тогда он перелез через забор и подошел к дому. Дверь за деревянными столбами была тоже закрыта, окна почему-то стали без

занавесок, и вокруг никого не было. Мальчик обошел дом, постоял у цветника. Но его никто не окликнул. «Куда же уехал Анатолий Семенович?» Петров постоял еще и направился домой через сад. «Наверное, на море уехал, – подумал Петров, – он на море хотел ехать». Теперь сад был совсем не тихий. Он шумел от сентябрьского ветра. Влажные листья падали на грядки. Петров подошел к пруду. «Интересно, будет карп есть пирог с творогом или не будет?» Пирог так и остался цел из-за всех сегодняшних происшествий. Петров развернул газету и начал кидать кусочки пирога в пруд, потом вздохнул, оглянулся. Куда же деть эту газету? Анатолию Семеновичу наверняка не понравится, если бросить ее тут. Он взглянул на смятую бумагу, хотел затолкать пока в карман, но ему бросились в глаза чем-то знакомые слова, «...Варнакова Анатолия Семеновича». Петрова что-то кольнуло от этих слов. «Обком и облисполком с прискорбием извещают о смерти Варнакова Анатолия Семеновича». Петров еще раз перечитал слова в рамочке. Он, ничего не понимая, огляделся вокруг и вдруг увидел свою стрелу. Она лежала под березой, несколько листков уже упало на нее, наконечник из консервной банки заржавел. Петров поднял стрелу, опять перечитал объявление и внезапно понял, заплакал, побежал... Он не помнил, как перелез через забор и разорвал штаны, как чуть не попал под машину, как почему-то добежал до того дома, где жила Таня. Он знал, что Таня живет в одном доме с учительницей, знал, который подъезд, не знал только, какая квартира. У подъезда он посмотрел на потемневшую дощечку с фамилиями жильцов. Слезы не давали ему читать, но перед цифрой «двадцать» он все же прочел почти стертые, написанные давным-давно слова:

«Варнакова Нина Аркадьевна».

Он не мог понять, почему у Нины Аркадьевны фамилия оказалась Варнакова, хотел бежать вверх по лестнице в двадцатую квартиру, но вдруг увидел Нину Аркадьевну. Она выходила из подъезда деловитая, с крашеными губами, в белых перчатках.

— Петрофф! Тебе кого здесь?

Он повернулся, выронил стрелу и, размазывая по лицу чернильные пятна и слезы, пошел со двора.

Желтый листок сорвался с ветки, покрутился, задержался на петровской фуражке и упал на асфальт. Заморосил дождь, и ивовая стрела мокла около Таниного подъезда.